

*Corresponding author:

**Dr. Abdulaziz Yassin
Abbas**

University: Diyala University
College: Classical Russian
Literature

Email: aziz.yassin@inbox.ru

Keywords:

A.P. Chekhov, Auatif Naim,
"Death of an employee",
"Hot Day", sneezing,
traditional culture, social
problems, folklore .

ARTICLE INFO

Article history:

Received 29 Dec 2023
Accepted 12 Mar 2024
Available online 1 Apr 2024

**STORY THE "DEATH OF AN EMPLOYEE"
A.P. CHEKHOV TURNS INTO A "HOT DAY"
IN BAGHDAD**

A B S T R U C T

In world literature, the power of storytelling to transcend cultural boundaries and illuminate shared human experience is often found in the most unexpected of motifs. This paper attempts to explore this phenomenon by delving into the thematic and cultural intersections between the Russian short story by A.P. Chekhov's "Death of an employee" and the Iraqi interpretation of Awatif Naim "Hot Day". Both narratives, although emerging from different cultural and temporal backgrounds, converge around the seemingly ordinary act of sneezing, which unfolds into profound reflections on social structures, human behavior.

© 2024 LARK, College of Art, Wasit University

DOI: <https://doi.org/10.31185/lark.Vol1.Iss16.3384>

قصة "موت موظف" لانطون تشيخوف تتحول الى "نهار ساخن" في بغداد

استاذ مساعد دكتور عبدالعزيز ياسين عباس/دكتوراه/ ادب روسي كلاسيكي/ جامعة ديالى/ العراق
الخلاصة:

يتناول البحث إمكانية الأدب العالمي وخصوصاً فن القصة القصيرة في تجاوز الحدود الثقافية للبلدان وإلقاء الضوء على التجربة الإنسانية المشتركة في موضوعات غير متوقعة على الإطلاق وذلك باستكشاف تلك الظواهر وتحليلها . وهدف البحث هو الوصول الى مقارنة وتحليل موضوعي وثقافي بين القصة القصيرة الروسية "موت موظف" لتشخوف و المسرحية العراقية "نهار ساخن" لعواطف نعيم والمستوحاة من تلك القصة. وعلى الرغم من الخلفيات الثقافية والزمانية المختلفة لقصة تشيخوف ومسرحية عواطف نعيم، نجد انهما تتقاربان في تأويل فعل العطس الذي يباغت البطل فجأة ويبدو أمرا اعتيادياً للوهلة الاولى، ولكنه يكشف فيما بعد عن عمق التأثير على النسيج الاجتماعي والثقافي للمجتمع.

الكلمات المفتاحية: أنطون تشيخوف، عواطف نعيم، "موت موظف"، "نهار ساخن"، العطسة، الثقافة

التقليدية، المشكلات الاجتماعية، الفلكلور

РАССКАЗ "СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА" А.П. ЧЕХОВА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В
«ГОРЯЧИЙ ДЕНЬ» В БАГДАДЕ

Аннотация. В мировой литературе сила повествования, способная преодолеть культурные границы и пролить свет на общий человеческий опыт, часто обнаруживается в самых неожиданных мотивах. В данной работе предпринята попытка исследовать этот феномен, углубляясь в тематические и культурные пересечения между русским рассказом А.П. Чехова «Смерть чиновника» и иракской интерпретацией Ауатиф Наима «Горячий день». Оба повествования, хотя и возникают из разных культурных и временных фонов, сходятся вокруг показывающегося обыкновенным акта чихания, который разворачивается в глубокие размышления о социальных структурах, человеческом поведении.

Ключевые слова: А.П.Чехов, Ауатиф Наим, «Смерть чиновника», «Горячий день», чихание, традиционная культура, социальные проблемы, фольклор.

В основе чеховского повествования лежит социокультурный пейзаж России эпохи преобразований. Конец 19 — начало 20 вв. в России выдвинулись бурной промышленной революцией, социальными потрясениями и революционными волнениями. В этот период развернулась борьба между традиционным царским самодержавием и растущим требованием политических реформ. Социальная структура была сложной, характеризовавшейся жесткой иерархией, где дворянство и чиновники обладали значительной властью над низшими классами.

В литературе это была эпоха реализма, когда такие писатели, как Чехов, стремились изобразить жизнь такой, какая она есть, со всеми ее несправедливостями и противоречиями. В рассказах Чехова часто подчеркивалось бедственное положение «маленького человека», обычного человека, раздавленного под тяжестью гнетущей социальной системы. В своих работах он тонко критиковал социальный порядок и проливал свет на условия жизни человека в меняющемся обществе.

Антон Павлович Чехов, предводитель русской литературы, известен своим простым и в то же время глубоким повествованием. Его стиль отмечен экономией слов, тонким юмором и непоколебимой сосредоточенностью на повседневной жизни. В рассказах Чехова часто отсутствует сложная сюжетная структура, вместо этого они углубляются в развитие персонажей и исследование человеческой природы «запечатлел в русском – общечеловеческое, в разнообразии российских характеров и типов – все многообразие человеческой природы, во временном – вечное» [Старикова 2013: 55]. В его произведениях, как правило, изображены обычные персонажи, их внутренняя борьба и взаимодействие в рамках российского общества.

Рассказ является мощным комментарием к общественному устройству России во времена Чехова. Навязчивое беспокойство Червякова по поводу мелкой социальной случайности подчеркивает жесткую, неумолимую природу социальной иерархии. Его чихание, естественное и неконтролируемое действие, становится метафорой непредсказуемости жизни и хрупкости человеческого достоинства в рамках социальных норм.

В русском фольклоре чихание имеет различные толкования, часто связанные с истиной, душой и предчувствиями. Чехов использует этот акт

для исследования социальной динамики своего времени. Чихание, произвольное и естественное, резко контрастирует с искусственной природой социальной иерархии. Оно символизирует человеческую слабость, которая скрывается за фасадом социального статуса и ранга.

В следующих разделах мы углубимся в литературные пейзажи Чехова и Наима, исследуя, как их повествования отражают и критикуют общества, из которых они выходят, и как такое простое действие, как чихание, может стать мощным символом человеческого состояния.

Литературный пейзаж А.П. ЧЕХОВА

Короткий рассказ А.П. Чехова "Смерть чиновника", всего лишь в три страницы, давно стал учебным пособием. На первый взгляд, тема рассказа кажется простой: мелкий чиновник сидит в театре, чихнув, неожиданно обрызгал сидящего генерала впереди, неоднократно старался извиниться и умер, вызвав гнев значимого лица своей навязчивостью. Это история о разрушительной силе поклонения.

Однако возникает вопрос, почему Чехов выбирает чихание как поворотный момент сюжета. В конце концов, Червяков мог случайно топнуть генералу по ноге, толкнуть его или залить водой на столе и т.д. Ответ на этот вопрос можно найти в традиционной культуре, значение чихания, сложившееся в национальном сознании и которое носитель традиции неизменно узнает. Обычно говорят "будь здоров" когда человек чихает, а не когда кашляет, например? К. Богданов, известный исследователь чихания как культурного феномена, «отношение к чиханию как к чему-то большему, чем требует этот чисто физиологический феномен, известно у различных народов, от древних времен до наших дней, и уже одно это заслуживает как

можно больше объяснений» [Богданов, 2001, с. 182]. Это действие в литературе тем более заслуживает "возможного объяснения".

Понятно, что чихание приходит не по воли человека, а случайность, которую любому человеку невозможно контролировать. Так воспринимает его герой истории сначала: «Червяков вовсе не смутился, вытерся платком и, как вежливый человек, огляделся: не побеспокоил ли кого своим чиханием?» [Чехов, 1975, стр. 164]. Писатель рассказа коррелирует процесс чихание как социальное существование человека, а не просто как физиология. Чихание тут является социальной функцией, так как ведет к смерти героя. Принято желать здоровья человеку, который чихает. Это не значит что герой болен реально, а значит что Червяков болен поклонением званию, то есть социальной болезнью. В произведении Чехова физиологическое и социальное изоморфны и одинаково представляют человека.

Однако когда Червяков чихает в рассказе чихание является не только физическим и социальным актом, но и метафизическим. В народных верованиях дыхание связано с душой, а когда человек чихает сильно и резко может и душа вылететь от него: «Чихание, особенно повторное чихание, воспринимается русским человеком как 'маленькая смерть'... Пожелание здоровья направлено на возвращение души на место и предотвращение ее ухода из тела» [Большой словарь примет, 2009, стр. 636]. Это, и не только гигиенические соображения, объясняет требование закрывать рот рукой или платком при чихании (при зевании рот нужно перекрестить, чтобы злые духи не проникли в тело). Червяков не закрыл рот: он обрызгал генерала и чихнул своей душой. Вот почему он умер. Таким образом, связь между чиханием (незначительное обстоятельство, не подвластное человеку) и смертью

(катастрофическое событие) ,которое невозможно избежать При наступлении третьего дня после чихания умирает герой рассказа.

Второй важный персонаж в рассказе – генерал. Между ним,и устанавливаются особенные двойственные связи. Их поступки развиваются по одному "сценарию": обычная реакция на небольшое событие – катастрофический конец. Оба они принадлежат к одной системе, которая убивает человека в человеке.

Нужно отметить ,что с точки зрения традиционной культуры, виноват не герой ,который чихнул (в момент чихания он не владел собой, это случайно), а виноват сам генерал: «Никогда не следует забывать сказать человеку: 'Будь здоров!' – иначе дьявол решит, что вы ему желаете смерти, и поторопится уничтожить чихающего» [Грушко, Медведев, 1995, с. 505]. С.В. Максимов указывает на суеверие, что дьяволы уносят младенцев, когда их «пускают чихать и не поздравляют ангельскую душу, не желают им роста и здоровья» [Максимов, 1903, с. 21]. Генералу оставалось только пожелать Червякову здоровья.

И так нарушение такого традиционного привело к смерти Червякова, именно формула "будь здоров" в рассказе является не только этикетной и повседневной, но и социальной и магической, то есть, могло бы оставить Червякова в живых, ещё могло бы регулировать социальные отношения между важным лицом и маленьким чиновником, перенеся их на уровень человеческого отношения.

В первый день, Червяков после чихания старался два раза извиниться,но не смог поверить, что генерал забыл об случайном его чихании и думал: «Забыл, да в глазах-то насмешливый вид...» И не хочет

разговаривать" [Чехов, 1975, с. 165]. Вечером, разговаривая с супруге "Я извинился, а он как-то странно... Ни одного доброго слова не сказал. И не было времени разговеть" [Там же]. Герой будет думать о его нежелании разговаривать на следующий день: "Не хочет разговаривать! <...> Злой, значит... Нет, так не оставим... Я ему объясню..." [Там же]. В конце второго дня Червяков говорит: "К черту его! <...> Клянусь Богом, больше не буду извиняться!" [Там же, с. 166].

Генерал не произнес "доброго слова", И ускорил гибель Червякова. В нём объединены две личности: он является "свидетелем" чихания и тем, кого буквально обрызгали (чихнули). Последнее обстоятельство подчеркивает усиление силы генерала, что является точной противоположностью Червякову. Последняя встреча заканчивается неудачей генерала: «Вон!! Внезапно заорал он, посинев и трясась» [Чехов, 1975, с. 166].

Генерал обращался к Червякову Используя формулу "Вон!", таким образом он не только выгнал его,но и изгонял его душу,его дух. И так по языку традиционной культуры можно понять,что смысл истории считается философским планом. Также важно, что такое поведение в этом случае касается не только генерала, но и люди,которые сидели рядом с ним в театре. Любой свидетель может и должен отреагировать на чихание согласно правилам народа, но это не происходило. Интересно, что Чехов рисует нам картину в театре как будто никого не было кроме Червякова и генерала, чтобы мы обратили внимание только на этих персонажей,хотя вокруг них были и люди.

Таким образом, смерть мелкого чиновника пришла, потому что "сам чихнул", и в тот момент никто из окружающих рядом с ним не пожелал ему здоровья.Можно сказать,что наш герой одинокий в этом мире. Мир,в котором

нету справедливости и отсутствие моральных принципов. Как видно, в подтексте Чехова если углубиться в деталях существует традиционная культура, которая может стать комментарием к произведениям писателя и раскрытие уникальности его творческого манера. Правда что место Чехова в классической литературе перелома XIX и XX веков, но уже рождала новые художественные формы.

Литературный пейзаж АУАТИФ НАИМА

Ауатиф Наим- иракская писательница, драматург, актриса и режиссер. В беседе со мной она объявила, что ей нравятся творчества А.П.Чехов, потому что у него важная тема, о которой писал "маленьком человек", язык его произведений представляется простым, но отражает глубокие мысли, люди разных времён и культур могут легко читать и понимать его произведений.

Адаптация А. Наима рассказа Антона Чехова "Смерть чиновника", переосмысленная как "Горячий день" в 2007 году, события спектакля крутятся вокруг простого фотографа, который работает у важного человека и пытается сфотографировать его в тех местах, которые он посещает. Однажды фотограф подошел к важному человеку, чтобы сфотографировать его, но случайно чихнул ему в лицо. Фотограф тут испугался и старался извиниться и когда повторно подошел к важному человеку, чтобы извиниться, важный человек выпустил сигаретный дым в лицо фотографа, который не смог сдерживаться и снова чихнул ему в лицо и умер.

Ауатиф Наим представляет собой проникновенную интерпретацию, сохраняющую суть оригинального повествования. А. Наим очень точно подметила кумулятивное строение чеховского рассказа, на что обратил внимание И.Н. Сухих еще в книге 1987 года [Сухих, 1987: 67]. Наим

воспринимает и переводит скрытое послание произведения Чехова: персонаж Червяков погиб не столько из-за действий генерала, сколько из-за своего подавляющего страха и глубокого почтения перед иерархическим званием, фактически «чихнув» свою жизнь. Эта концепция находит сильный отклик в иракской культуре, отражая российскую веру в то, что чихание может вызвать мгновенный вылет души из тела, что приводит к привычке желать здоровья и долголетия в ответ.

Расширяя эту тематическую основу, пьеса А. Наима под названием "Горячий день" умело переносит сюжет в современную иракскую обстановку, наполняя её острыми социополитическими оттенками. В пьесе представлен персонаж, именуемый просто как "Он", фотограф, который документирует значимые события в своем учреждении. Он сталкивается с "Важным Человеком", директором своего учреждения, вокруг которого и разворачивается пьеса. На службе у Важного Человека находятся трое телохранителей в черных костюмах и солнцезащитных очках, которые устанавливают на сцене три зеркала. Эти зеркала не просто реквизит; они символизируют потребность Важного Человека постоянно наблюдать за собой, отображая чувство собственной важности и тщеславия. «Основываясь на теории Парацельса, медики прошлого использовали подобные свойства зеркал для воздействия на подсознание человека, для гипноза и разного рода внушений» [Бахтин, 2002: 17].

Напряжение в пьесе возрастает, когда фотограф, захватывая различные ракурсы Важного Человека – который позирует с аллюрой голливудской звезды – нечаянно чихает ему прямо в лицо. Этот внезапный, непредвиденный поступок погружает сцену в темноту и тишину, визуально представляя шок и последующее неудовольствие Важного Человека, с

телохранителями, окружающими фотографа в ожидании возможного порицания или худшего.

Этот инцидент в "Горячий день" находит параллели со спонтанным чиханием в рассказе Чехова. Выбор чихания среди всех случайных физиологических реакций имеет ключевое значение, так как это рефлекс, трудно поддающийся подавлению или сокрытию. В повествовании Чехова неудовольствие генерала не вызвано личным оскорблением, а обусловлено прерыванием его театрального просмотра, что подчеркивает бесперсональный характер взаимодействия. Однако в адаптации Наима ставки повышаются: Важный Человек является непосредственным начальником фотографа, от которого зависит его существование.

Внутренний монолог фотографа, слышимый за сценой, раскрывает его нарастающую тревогу и параною, отражая кумулятивный стиль повествования. В русских народных кумулятивных сказках «ничтожность событий иногда стоит в комическом контрасте с чудовищным нарастанием вытекающих из них последствий и с конечной катастрофой» [Пропп, 1976: 243]. Он боится неправильного толкования своего чихания как умышленного действия, направленного на испорченную пресс-конференцию Важного Человека, даже воображая абсурдные обвинения, такие как платёж от врагов за чихание, что приводит к все более катастрофическим последствиям. Это психологическое потрясение является свидетельством его неустойчивого положения и зависимости от прихотей своего начальника.

В значительном отклонении от повествования Чехова, герой Наима, в отличие от Червякова, остро осознает своё низкое положение и слабость. Это проявляется в сцене, где фотограф, опустившись на колени и умоляя о прощении, вызывает ещё одно чихание, приводя к дальнейшему унижению и

трагическому концу. Завершение пьесы, отмеченное пренебрежительными словами Важного Человека – произнесёнными на английском языке "Финиш", символизирующими пустоту и притворство – подчёркивает тему власти, лишённой эмпатии или содержания.

Сюжет Наима, хотя и черпает вдохновение у Чехова, также отражает литературный стиль другого русского автора, Н.В. Гоголя, особенно в изображении фотографа, чей персонаж напоминает гоголевского Акакия Акакиевича. Пьеса трансформирует оригинальную идею Чехова, ставя зависимого индивида против фигуры власти, в отличие от относительно независимого положения Червякова в рассказе Чехова.

В заключение, хотя Наим признаёт социальный критицизм в рассказе Чехова, он отклоняется от захвата пародийного смысла, который отмечен российскими учеными. По словам М.П. Громова, «Червяков, это, как сказал бы гоголевский столоначальник, ничтожество, преследует и донимает генерала до тех пор, пока тот не становится уже не “чужим”, а настоящим, грозным, гоголевским» [Громов 1989: 147]. Чехов пародирует стереотип "маленького человека", развитого в русской литературе XIX века. Таким образом, новая интерпретация Наима в "Горячий день" предлагает современное размышление о динамике власти, авторитете и положении индивида в иерархическом обществе.

Чихание, хотя и является универсальным человеческим феноменом, несет в себе различные культурные значения. Во многих традициях чихание в определенное время или при определенных обстоятельствах считается предзнаменованием или знаком. В российском и иракском контекстах, как видно из рассказов Чехова и Наима, чихание выходит за рамки

физиологического аспекта, становясь символом, нагруженным культурным и социальным значением.

В литературе чихание использовалось как мощная метафора для передачи различных тем. « Отношение к чиханью как к чему-то большему, чем того, казалось бы, требует это чисто физиологическое явление, известно у самых различных народов, начиная с глубокой древности и продолжая днем сегодняшним, – и уже по одному этому заслуживает посильного объяснения» [Богданов, 2001, с. 182]. В случае с Чеховым и Наимом чихание символизирует произвольность и непредсказуемость жизни, а также хрупкость человеческого достоинства в социальных конструктах. Этот простой, произвольный акт становится глубокой метафорой неконтролируемых аспектов существования и человеческой уязвимости перед социальными нормами и ожиданиями.

И Чехов, и Наим распространяют метафору чихания в метафизическую сферу. В «Смерти чиновника» чихание символизирует «маленькую смерть» — кратковременную потерю контроля, которая отражает окончательную потерю контроля в смерти. В «Горячий день» этот акт представляет собой не только физическое изгнание, но и метафорическое освобождение от страхов и неуверенности главного героя.

Использование чихания в качестве мотива эффективно преодолевает культурный разрыв между русской и иракской литературой, иллюстрируя общий человеческий опыт под уникальной культурной оболочкой. Этот мотив становится линзой, через которую читатель может исследовать более широкие темы судьбы, предназначения и человеческого состояния.

«Смерть чиновника» Чехова и «Горячий день» Наима — это не просто рассказы о личных трагедиях; Они представляют собой глубокие комментарии к социально-политическому климату соответствующих условий. Действие чеховского повествования разворачивается на фоне царской России, общества, характеризующегося жесткой социальной иерархией и вездесущей бюрократией. Рассказ критикует эту систему, показывая, как она доводит своих граждан до состояния постоянной тревоги и страха, примером чего является навязчивое беспокойство Червякова по поводу тривиального происшествия.

В «Горячий день» Наим улавливает сущность современного иракского общества, отмеченного политической нестабильностью и авторитаризмом. Это позволяет осмыслить чужую литературу как свою. Такая «национальная адаптация», по наблюдениям Н.И. Конрада, чрезвычайно характерна для Востока [Конрад 1966: 344]. Эта история отражает всепроникающий страх и паранойю, которые такая среда может породить у людей, особенно у тех, кто занимает более низкое социальное или профессиональное положение. Страх фотографа перед возмездием за невольный поступок отражает более широкий страх общества перед властью и последствиями предполагаемого инакомыслия.

Чехов и Наим используют свои литературные навыки не только для того, чтобы рассказать историю, но и для того, чтобы прокомментировать общество, в котором они живут. Их произведения выходят за рамки художественной литературы и становятся мощными инструментами социальной критики. Сосредотачиваясь на повседневных происшествиях и обычных людях, они привлекают внимание к более широким социальным проблемам, делая свои истории близкими и впечатляющими.

Одним из самых поразительных аспектов «Смерти чиновника» и «Горячий день» является взаимодействие трагедии и юмора. Чехов известен своей способностью органично сочетать эти элементы, часто используя юмор, чтобы подчеркнуть абсурдность ситуаций своих героев, тем самым углубляя ощущение трагедии. В «Смерти чиновника» бедственное положение главного героя одновременно абсурдно и глубоко трагично, подчеркивая часто нелепую природу социальных норм и ожиданий.

Наим, следуя по стопам Чехова, также использует юмор в «Горячий день», чтобы подчеркнуть трагические элементы своего рассказа. Все более отчаянные попытки фотографа оправдать простое чихание приобретают юмористический характер, хотя и подчеркивают серьезность его затруднительного положения в обществе, где власти боятся и почитают.

Обе истории отражают трагикомическую природу человеческого существования. Главные герои оказываются в ситуациях, где грань между комедией и трагедией размыта. Их борьба, хотя и часто смешная в своей абсурдности, в конечном счете трагична, отражая человеческое состояние в обществах, где люди часто бессильны перед жесткими структурами и ожиданиями.

Использование трагедии и юмора в этих историях служит мощным инструментом социальной критики. Обращая внимание на абсурдность некоторых социальных норм и трагические последствия, которые они могут иметь для индивидов, Чехов и Наим приглашают читателей задуматься о природе авторитета, власти и месте личности в обществе. Эта смесь трагедии и юмора не только делает их истории увлекательными, но и усиливает их послания, заставляя их глубже резонировать с читателями.

В исследовании исследуется богатый тематический гобелен, сотканный А. Чеховым и А. Наимом в рассказах «Смерть чиновника» и «Горячий день». С помощью сравнительного анализа было показано, что, несмотря на различия в культурном и историческом контекстах, оба нарратива эффективно препарировывают тонкости человеческого поведения в социальных структурах. Они освещают универсальные темы динамики власти, власти и борьбы личности за достоинство.

Использование чихания в качестве центрального мотива служит мощным символом произвольных и непредсказуемых аспектов жизни и уязвимости человека перед социальными нормами. Обе истории, с их смесью трагедии и юмора, представляют собой тонкую критику социальных иерархий и психологического воздействия власти на человека.

Эти нарративы подчеркивают непреходящее значение литературы как средства социального комментария. Они дают представление о человеческой психике и социальных структурах, побуждая читателей задуматься о своем собственном опыте и природе общества, в котором они живут. Рассказы Чехова и Наима выходят за рамки их непосредственного окружения, предлагая вечный комментарий о человеческой природе и социальной динамике.

Непреходящая привлекательность «Смерти чиновника» и «Горячий день» заключается в их способности говорить об общем опыте страха, достоинства и человеческого состояния, что делает их актуальными во все времена и культуры. Они напоминают нам о силе литературы не только развлекать, но и просвещать, бросать вызов и побуждать задуматься о мире, в котором мы живем. Таким образом, Чехов и Наим, через свои различные, но тематически переплетенные повествования, продолжают вносить свой вклад

в продолжающийся диалог о человеческом опыте в обществе и доказывают, что Формула «будь здоров», будь она произнесена, позволила бы Червякову и фотографу остаться живыми и регламентировала бы социальные отношения между значительным лицом и мелким чиновником, перевела бы их на человеческий уровень.

Список литературы

- 1- Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М.Бахтин.- М.,2002.445с
- 2- Богданов К.А. Чихание: явление, суеверие, этикет // Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: «Искусство-СПБ», 2001. С. 181–241.
- 3- Большой словарь примет / Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева, Н.Н. З Иванова. М.: АСТ Астрель,, 2009. 687 с
- 4-Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, поверий. Н. Новгород: Русский купец, 1995. 560 с.
- 5- Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. 529 с.
- 6- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
- 7- Старикова В.А. Творчество А.П. Чехова – «код» межнационального общения // Чеховские чтения в Ялте. Чеховская карта мира: Чехов – путешественник. Симферополь: «ДИАЙПИ», 2013. С. 55-62
- 8- Сухих И.Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 183 с.
- 9- Толстая С.М. Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 52–95.
- 10- Шулепова Э.А. «Гений места» и его провинция // Таганрогский вестн.: материалы Междунар. науч. конф. «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». Таганрог, 2004. С. 8–12.
- 11- Чехов А.П. Смерть чиновника // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 164–166.

References

- 1- Bakhtin, M. Aesthetics of verbal creativity / M. Bakhtin. - M., 2002.445s
- 2- Bogdanov K.A. Sneezing: phenomenon, superstition, etiquette // Bogdanov K.A. Everyday life and mythology: studies on the semiotics of folklore reality. St. Petersburg: "Iskusstvo-SPB", 2001. pp. 181–241.
- 3- A large dictionary will accept / T.G. Nikitina, E.I. Rogaleva, N.N. 3 Ivanova. M.: AST Astrel, 2009. 687 p.
- 4-Grushko E.A., Medvedev Yu.M. Dictionary of Russian superstitions, spells, beliefs. N. Novgorod: Russian merchant, 1995. 560 p.
- 5- Maksimov S.V. Unclean, unknown and godlike power. St. Petersburg, 1903. 529 p.
- 6- Propp V.Ya. Folklore and reality. M.: Nauka, 1976. 325 p.
- 7- Starikova V.A. Creativity of A.P. Chekhov - the "code" of interethnic communication // Chekhov readings in Yalta. Chekhov's map of the world: Chekhov is a traveler. Simferopol: "DIAYPI", 2013. pp. 55-62
- 8- Sukhikh I.N. Problems of the poetics of A. P. Chekhov. L.: Leningrad State University Publishing House, 1987. 183 p.
- 9- Tolstaya S.M. Slavic mythological ideas about the soul // Slavic and Balkan folklore. Folk demonology. M.: Indrik, 2000. pp. 52–95.
- 10- Shulepova E.A. "The genius of the place" and its province // Taganrog Vestn.: materials of the International. scientific conf. "Young Chekhov: problems of biography, creativity, reception, study." Taganrog, 2004. pp. 8–12.
- 11- Chekhov A.P. Death of an official // Chekhov A.P. Complete collection of works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes. T. 2. M.: Nauka, 1975. P. 164–166.